

ОФИЦИАЛЬНАЯ СЛЕДУЮЩАЯ ГЛАВА
ОТМЕЧЕННОЙ НАГРАДАМИ ИГРОВОЙ САГИ

DISHONORED®

СКРЫТЫЙ УЖАС

АДАМ КРИСТОФЕР

Адам Кристофер
DISHONORED: Скрытый ужас
Серия «DISHONORED», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41977156

Dishonored: Скрытый ужас: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114590-3

Аннотация

От Тивии до Серконоса в ткани реальности появились прорехи – порталы в Бездну, угрожающие разорвать мир на кусочки. Бывшая охотница за головами, убийца и контрабандистка Билли ищет их источник, и в процессе поисков ей приходится забраться далеко от Дануолла. Она прибывает в город, посреди которого протянулся разлом, в страну, потрясенную гражданской войной, где воцарилось шаткое перемирие. Пожалуй, Билли – единственная, кто может справиться с угрозой... Правда, здесь ей придется столкнуться не только с врагами, но и с собственным прошлым, которое грозит изменить весь ход истории.

Содержание

1	18
2	23
3	31
4	54
5	61
6	67
7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Адам Кристофер

Dishonored: Скрытый ужас

Adam Christopher

DISHONORED: THE VEILED TERROR

© 2019 Bethesda Softworks LLC. Dishonored, Arkane, ZeniMax, Bethesda, Bethesda Softworks and related logos are registered trademarks or trademarks of ZeniMax Media Inc. in the U.S. and/or other countries. All Rights Reserved.

* * *

Ночь холодна, а воздух тяжел от влаги – как всегда в этом вишивом крысином городе. В любое время года. В любой сезон, будь то зима или лето, месяц Тепла, месяц Кланов, месяц поганой Тьмы, – Дануолл, столица Островной империи, великая и серая метрополия, крупнейший город в мире, все такой же холодный, промозглый, жуткий, а жизнь тех, кто зовет его улицы домом, трудна и коротка.

Девочка знает это слишком хорошо. Иногда она даже не может вспомнить, сколько уже провела на улицах, не может вспомнить ничего, кроме отдельных моментов, о своей предыдущей жизни – той, что была до холода, сырости и попыток выжить.

Иногда все, что она помнит о днях, оставшихся далеко позади, мелькает проблесками перед ее внутренним взором: образ матери, с резкими и истощенными чертами лица, вечно жестокой и злой, с единственным верным и постоянным спутником – бутылкой вонючей выпивки, которая стоит больше, чем пропитание для нее и дочери на неделю. Голос, твердый, как костлявые кулаки, и кожа на костяшках рук матери, раз за разом красневшая от разбитых скул дочери. Раз за разом.

«Это не мои воспоминания, – твердит себе девочка. – Это байка, которую рассказывают у гаснущего огня в старом баке для ворвани или в темной подворотне. Байка, которую мог бы поведать любой из горемык, молодых и старых, что ночь за ночью сбиваются вокруг вонючего пламени в поисках тепла».

Но эти воспоминания – правда. А ложь – то, что она не может их воскресить. Она и сама это понимает. На самом деле она помнит всё.

Как бы ни старалась забыть.

Она еще дитя – почти дитя, – но повидала больше, чем стоило бы видеть ребенку. Есть и другие, подобные ей – девочка знает по меньшей мере двоих своего возраста, живущих на улицах Дануолла. И еще есть банды – Шляпники, Банда Бутылочной улицы... Члены некоторых тоже подростки, почти дети, но многие куда старше – они долго выжили в городе, объединяясь друг с другом в борьбе с ним.

Хорошая мысль. Она надеется однажды привлечь их внимание своими навыками. Надеется однажды найти среди них свой дом, а может, и друзей. Другие – те, кто разжигает костры и жметя друг к другу, чтобы пережить еще одну ночь... ну, они не друзья. Они делятся своими историями, но редко – именами, да и байки о прошедшем – не более чем байки, выдуманные лишь для того, чтобы заслужить место у огня и право на еще одну ночь в относительной безопасности. Все слишком заботятся о выживании, чтобы обращать на это внимание, да и кому нужно чье-то прошлое?

Важно только то, что здесь и сейчас.

Важно только выжить. Каждая ночь – это битва, иногда в самом прямом смысле.

Как сегодня.

Вот трое мужчин – не в униформе, но на всех туники с капюшонами, и девочка видит, что капли недавнего дождя цепляются за накидки из вываренной шерсти. Люди похожи на парней из Городской стражи – может, это они и есть. Но сегодня они выжидают, вместо того чтобы действовать. Она это чувствует. Предчувствие гибели разлито в воздухе, потенциальное насилие звенит в ночи, будто таинственное электричество, пока они ждут в подворотне и следят за баром на углу.

Несмотря на поздний час, на улице не так уж темно. Напротив, после дождя тучи разошлись, и полная луна омы-

вает город серебром.

Девочка держится в укрытии, наблюдая за троицей. В этом она хороша – умеет пользоваться перекошенными углами древнего города, чтобы оставаться невидимой и днем, и ночью. Этому пришлось поучиться, но учеба давалась ей легко и естественно. Возможно, это побочное последствие ее воспитания – необходимость сызмальства прятаться от матери превратилась в инстинкт, хотя сама девочка того даже не заметила. А возможно, он у нее от рождения, этот дар скрытности, ловкости и изворотливости. Дар, который сослужил ей добрую службу в последние годы на улицах Дануолла.

Девочка всматривается в людей на другой стороне улицы. Она искала их, хотя и не хочет в этом себе признаваться – ведь если это правда, она будет вынуждена признать кое-что еще. Она понятия не имеет, что будет делать, обнаружив их, но пока наблюдает. Мужчины тихо переговариваются, под капюшонами блестят глаза и зубы.

Они ли это? Те самые, что спокойно стояли, пока тот негодяй пялился на Дейдре, а его спутник обзывал их обеих портовыми таракашками? Те самые, что смотрели и улыбались, когда ублюдок из Серконоса в меховом воротнике размахнулся тростью с серебряным набалдашником и разmozжил череп Дейдре, в то время как его спутник все смеялся, смеялся и смеялся?

Она заставляет себя не отмахиваться от воспоминания,

пока отголоски ужаса той ночи прокатываются в голове. Там были два денди из Серконоса и три офицера из Городской стражи – их привел на место преступления патруль.

Только это было не преступление. Только не в Дануолле – здесь, убив уличного беспризорника на глазах служителя закона, можно лукаво подмигнуть и откупиться парой монет.

Когда патруль ушел, денди с тростью стоял, покачиваясь на каблучках и наслаждаясь делом своих рук с ухмылкой, которую девочка никогда не забудет. А его спутник продолжал веселиться; он даже предложил брату купить новую трость. Потом тот повернулся и посмотрел на вторую девочку – на нее – и на его лицо слишком быстро вернулась та ухмылка.

Он был слабаком. Он умер легко. Острый обломок одной из деревянных газелей, украшавших его экипаж, оказался вполне пригодным оружием. Особенно эффективным, если бить в глаз.

Брат погибшего упал на колени, пытался помочь родственнику. Девочка хотела убить и его, но крики о помощи скоро привлекли бы других, так что она не стала рисковать и сбегала, бросив Дейдре. У нее не было выбора.

Правда, убежала она недалеко. Ей нужно было вернуться, найти Дейдре. Она твердила это себе, даже зная, что это невозможно.

Она сделала крюк по мощеным улицам, прячась в тенях,

пока не вернулась к месту преступления. Денди и его погибший брат были на месте. Как и Дейдре. Вернулся и патруль Городской стражи, который так спокойно наблюдал за убийством ее возлюбленной. Теперь патрульные допрашивали кучера.

Она следила за ними. Запоминала лица, голоса.

Однажды они заплатят. Однажды настанет ее час – ее, и их...

Сегодня. Этот час – сегодня.

Да, это они. Да, она нашла их.

Она шагает вперед по мокрым от дождя камням, доносящийся из таверны шум маскирует ее движения. Она тянется за ножом за поясом, а потом...

Нога попадает в выбоину на мостовой. Девочка падает, руки и ноги скользят, пока она пытается восстановить равновесие.

Один из мужчин поворачивается к ней и что-то говорит. Его напарники смеются, но она не может разобрать слов из-за шума крови в ушах. Сердце в груди бьется так сильно, будто готово выпрыгнуть наружу.

Мужчина отворачивается. Девочка осталась незамеченной – край капюшона закрывает ему периферийное зрение.

Она встает и переводит дыхание. Может быть, сейчас не лучший момент. Может быть, сейчас не лучшая ночь. Их трое против нее одной, а ей нужно быть уверенной в результате.

Она бежит в переулок. Лезет вверх по толстым ржавым трубам, оплетающим стену, без труда поднимается на крышу.

А потом видит его.

Черный капюшон. Черная маска. В руках блестит нож. Он неподвижен, как горгулья, застыв на краю ближайшей крыши в угрожающей, как у той самой горгульи, позе.

А потом он прыгает.

Один из мужчин смеется, но смех обрывается, когда его горло вскрывают из-за спины. Голова запрокидывается, и горячая кровь брызжет вперед, обливая его спутников. Нападающий отталкивает тело в сторону и переносит внимание на оставшихся двоих.

У них нет ни шанса.

Девочка наблюдает, как он принимается за дело. Этот человек – мастер своего дела: все, что она слышит – лишь шепот лезвия и хлокотание в перерезанных глотках. Миг спустя на мостовой коченеют три тела, а мужчина вытирает лезвие тряпкой, которую затем бросает на трупы.

Кто он? Откуда?

Девочка придвигается ближе, наклоняясь над краем крыши. Дануолл полон бандитов, но таких, как он, она еще не видела. Она знакома со смертью на конце клинка, но его владение оружием – это...

Она втягивает воздух. Мужчина оборачивается и смотрит на нее. Лунный свет отражается в круглых глазах-лин-

зах, и она видит, как он дышит, как опускается и поднимается, опускается и поднимается клюв его маски, похожей на консервную банку. Волосы у мужчины темные, а у края маски – шрам.

А потом...

А потом он исчезает.

Девочка выпрямляется. Оглядывается. Она одна на крыше, а на мостовой – три мертвеца, хотя она и знает, что они ненадолго остались в одиночестве. Высоко над головой облака пробегают по полной луне, такой яркой, что девочка щурится. Потом отворачивается.

И видит его. Он бежит по крыше на другой стороне улицы. Там нет подворотни, значит, он забрался по отвесной стене здания.

Невозможно?

Да, но только не для человека в маске, она знает это.

И она хочет знать больше.

Девочка не тратит времени даром – она мчится за ним, огибая улицу, перескакивая с крыши на крышу, ни на минуту не теряя его из виду. Его гибкость и скорость впечатляют, и она ни за что его не догонит. Так его не достать.

И тогда девочка принимает решение.

Она возвращается к переулку. Скатывается по трубам, перебегает улицу – перепрыгнув трех мертвецов – и находит боковой проулок. Вот теперь она отстала, и очень сильно. И все же отказывается сдаваться.

Она никогда не сдастся.

Еще поворот налево, еще переулок, замкнутый складами, – их стены покрыты сложным переплетением стальных лестниц и ступенек. Легкий маршрут. Она лишь надеется, что не опоздала.

Девочка лезет. Стальные платформы звенят под ногами, но вокруг никого, и ей в любом случае плевать.

Она должна его догнать. Должна.

Потому что только что она видела...

Что видела? Она не знает. Не знает, кто он. Не знает, что будет делать, когда найдет его. Она – свидетель убийства, и хорошо знает, что бывает со свидетелями.

Взгляните хотя бы на трех мертвых городских стражников на улице где-то позади.

Но незнакомец... Что-то в нем было. Что-то она заметила.

Он...

Он – выход. Он – спасение. Девочка чувствует это. У человека в маске есть цель, причина для того, чтобы быть здесь, повод, чтобы убить тех людей.

Возможно, тот же, что и у нее.

Когда она его увидела, внутри что-то всколыхнулось. Желание – потребность – в цели. Не просто месть, но что-то еще. Что-то... большее.

Крыши складов широкие и плоские, они влажно блестят – здесь скопилось воды по щиколотку. Девочка шлепает вне-

ред, останавливаясь, только чтобы перевести дыхание, пока ее глаза шарят по сторонам, выискивая любое движение, любой признак чужого присутствия.

Пар от дыхания клубится перед лицом. Мускулы ноют. Голова кружится.

Она опоздала. Вокруг никого. Она одна на крышах, и город спит под ней.

Человек в маске пропал.

Крыши фабрик время от времени прерываются высокими дымоходами, их кирпичи черны и скользки. Девочка бредет вперед, ноги заплетаются, и она хватается за ближайший дымоход, чтобы не упасть. Силы вдруг покидают ее, улечиваются, как остатки дождя вокруг.

Она его потеряла. Это ее ошеломяет, и она сама не может объяснить почему. Но отчасти она это понимает – потому что всего на пару секунд видела что-то еще.

Другую жизнь. Другое будущее.

Будущее, которое могло достаться ей.

Когда дыхание замедляется, девочка соскальзывает по дымоходу и оседает на крышу. Закрывает глаза, чувствуя под веками соленое тепло. Задерживает дыхание, начинает считать, велит себе забыть всё. Ведь жизнь, какая бы то ни было, продолжается. Три человека, которых она хотела убить, мертвы, а сама она в безопасности, потому что те люди пали не от ее руки.

Но почему-то это ее не утешает.

А потом она открывает глаза и видит убийцу в нескольких сотнях ярдов впереди, на краю крыши, откуда он смотрит на что-то внизу.

Потом он отталкивается от края и пропадает из вида.

Что ж, в конце концов она его нашла. Ей кажется, что погоня длилась долгие часы, и уже брезжит рассвет, когда она добирается до финальной цели – это убежище убийцы. Там, на другой стороне улицы, он прыгает с крыши на балкон, а потом проскальзывает в разбитое окно разрушенного здания.

Эта часть Дануолла оставлена на произвол крыс, и пока еще она не превратилась в руины целиком, но это произойдет совсем скоро. Девочка не зашла бы сюда по своей воле. Дануолл – опасный город, особенно для таких как она, но это место – совсем другое дело.

Это гиблое место.

Несмотря на это, девочка не колеблется и следует за убийцей: пробирается той же дорогой, спрыгивает на балкон и лезет в окно.

Внутри мрачно и сыро. Сбитый ковер под ногами гниет, сломанные столы завалены плесневеющими бумагами – в далеком прошлом здесь был какой-то кабинет.

Девочка замирает, прислушивается, но ничего не слышит. Дверь перед ней открыта. Она подходит к ней и оказывается в разваливающемся коридоре. Оглядывается, потом выбирает направление и идет.

Остальное здание в таком же состоянии. Чем бы здесь ни занимались, это было что-то прибыльное. Коридоры завешаны множеством больших картин – вспухших, как и деревянные стенные панели, от бесконечной сырости. Стены поедает наползающая волна черного грибка.

Может, здание и пустое, но признаки жизни здесь встречаются. Некоторые комнаты вычистили, заставили рядами коек; другие превратили в чуланы, забили ящиками и бочками.

В животе урчит, когда она заглядывает внутрь одной из комнат. Там еда, много еды. «Достаточно, чтобы прокормить маленькую армию», – думает девочка.

Она медлит. Может, маленькую пропажу не заметят? Кажется, что здесь пусто – ну, не считая ее и человека в маске, который рыщет где-то рядом. Потом решает, что это не стоит риска и потери времени.

Она должна найти свою добычу. Должна.

Девочка отворачивается от входа в комнату и возвращается в коридор, потом спускается по лестнице к другим комнатам этажом ниже. Здесь пространства больше; у нескольких кабинетов сломали стены, чтобы получился большой прямоугольный зал. В нем расставлены несколько манекенов на вращающихся стойках, в их вытянутых руках – деревянные панели. На некоторых панелях нарисованы мишени, и такие же – на лбу и груди кукол.

На длинном низком верстаке вдоль стены девочка видит

четыре арбалета – три маленьких модели для одной руки и версия побольше, – готовых к бою. Рядом с арбалетами – пригоршня болтов и короткий меч в ножнах.

Комната для тренировок. Возможно, она не ошиблась на счет армии.

И тут девочка понимает, что убийца стоит сзади... Именно понимает, а не слышит. Это сродни ощущению присутствия, когда в пустой комнате вдруг оказался кто-то еще, кроме тебя.

Она поворачивается. Смотрит, как мужчина стягивает маску, схватившись за банку-респиратор. Его короткие волосы гладко зачесаны назад. Страшный шрам сбегает по правой стороне лица, от лба к челюсти. Глаза горят холодным огнем.

Она не отшатывается. Не отворачивается. Не издает ни звука.

– Ты следила за мной, – говорит он. – Нашла это место, и теперь не умоляешь о пощаде и не бежишь.

Девочка поднимает подбородок и делает шаг вперед.

– Мне некуда бежать, – говорит она, – да и незачем, сказать по...

Слова умирают на языке. Человек протягивает руку, ладонью вверх, чтобы она взялась за нее и последовала за ним. Вот только...

Вот только это не тот, за кем она следовала. Нет ни куртки с капюшоном, ни тяжелых перчаток, ни толстых

ремней, перечеркивающих широкую грудь. Тот, кто стоит перед ней, – маленький и худой, его волосы черные и блестящие, на лбу теснятся кудри. Лицо озарено синим светом, исходящим из ниоткуда.

Его глаза бездонные, непроницаемо черные.

Мужчина смеется. Она падает на колени. Позади него комната растворяется, и девочка видит бесконечное клубящееся ничто, окружающее твердую металлическую скалу, на которой он стоит.

Она знает его; знает это место.

В Бездне стоит Чужой и протягивает ей руку.

– У нас осталось незаконченное дело, Билли Лерк, – говорит он.

Она чувствует ползущий по спине холод, потом слышит треск – звук расщепляющегося дерева, звук вскрывающегося льда на поверхности озера.

Билли смотрит вниз и видит, как черный металлический валун двигается, и окаменение поднимается по ее ногам, покрывает их, преобразует ее плоть и кость в самую Бездну. Чернота поднимается по телу дюйм за дюймом.

Она тянется к Чужому, но ее рука и ладонь уже окаменели.

Она кричит, и мир темнеет. Единственное, что она слышит, – смех Чужого.

ДАНУОЛЛ, ГРИСТОЛЬ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Билли Лерк резко проснулась. Сердце громко стучало в груди, пар от дыхания клубился в холодном воздухе маленькой комнатки, что стала для нее – по крайней мере временно – домом.

Она села и сбросила одеяло. Несмотря на прохладу, ей было жарко, кожу покрывал липкий пот. Когда сердце немного успокоилось, Билли надула щеки и судорожно потерла лицо ладонями.

Снова этот сон.

Она откинулась на постель и закрыла глаза, размяла мышцы, затекшие после очередной ночи на жестком матрасе. Воспоминания о сне – такие живые – начали угасать, и Билли расслабилась.

Сегодня такое же утро, как и многие недели до того. Билли сбилась со счета, сколько раз уже неожиданно просыпалась, выныривала из кошмара в слепом ужасе, который, к

счастью, рассеивался, как только она приходила в себя.

Сон. Ну ладно... строго говоря, это не тот же самый сон. Однако в них всех была определенная закономерность – сны питались давно похороненными воспоминаниями, отбрасывали ее в прошлое, показывали отрывки истории, о которых Билли не хотелось думать. Но каждый раз события во сне начинались так же, как она их запомнила: те же люди, те же места, те же обрывки разговоров – хотя она знала, что воспоминаниям не стоит доверять.

И каждый раз в тот момент, когда она ничего не ожидала, что-то менялось. Память подводила, события прошлого скатывались в кошмары.

Кошмары с одним-единственным персонажем.

Чужим.

Билли вздохнула и откинула одеяло с кровати, чтобы опустить ноги на пол. На миг облокотилась на бедра и уставилась на голые половицы, пересчитала их, только чтобы убедиться, что проснулась, и что Чужой не явится вдруг прямо перед ней в клубах дыма, смеясь, как обычно смеялся в ее сне. Она понимала, что действительно проснулась, потому что правую руку – ту, что не из плоти и крови, а из камня Бездны, перекрученного множества осколков, скрепленных какой-то таинственной магией – до костей пронзил мороз. Забавно, учитывая, что костей там не осталось. Но рука всегда ныла после снов, и Билли знала, что к усиливающейся пульсирующей боли скоро прибавится мигрень. Она начина-

лась из-за еще одного чужеродного элемента – того, что не был ее настоящим глазом, а являлся частью какого-то давно ушедшего божества.

Она сделала вдох и встала. Утренний воздух был холодным – комната промерзла целиком, – но Билли не могла себе позволить привередничать в выборе жилья. Она не знала, сколько еще пробудет в Дануолле, но жалкие остатки денег нужно было беречь. Угловая комната на чердаке таверны в одном из не самых благополучных районов города казалась настоящей роскошью по сравнению с местами, которые когда-то были ее домом. Здесь у нее была крыша над головой, узкая кровать и скособоченный качающийся стол под маленьким окном в свинцовом переплете, которое не закрывалось до конца. Билли опустила голову, чтобы не стукнуться о скос крыши, нависающий над кроватью, и распахнула окно. Заевшая петля запротестовала с пронзительным визгом, и зябкий утренний воздух овеял кожу. Он казался теплее, чем холод в руке, и Билли подставила плечо сквозняку, на миг наслаждаясь этим ощущением.

Да, каждый раз сны были разными. И обычно она о них не задумывалась – теперь дурные сны были частью жизни, и не только для нее, но для всех, по всей Островной империи, – но этот... что ж, он был совсем другим.

Ей впервые приснился Дауд.

Нож Дануолла. Предводитель «Китобоев». Тот, кто спас ее много, много лет назад, подарив новую жизнь, которой

она наслаждалась, пока почти не погибла – чтобы он спас ее второй раз.

Дауд, ее учитель. Ее друг.

Теперь он, конечно, мертв. Прошел уже год или около того, но приснился он ей только сейчас. Она не знала, стоит ли благодарить судьбу за это, потому что после смерти Дауда и падения Чужого сны больше не были прежними. Они стали угрозой, способной свести человека с ума. Она не принимала как должное тот факт, что отделалась настолько легко... хотя и понимала, что это наверняка из-за «Зеленой Леди», которую теперь регулярно принимала. Слухи об эффективности травы разошлись, и в последние месяцы цена неуклонно росла. Очередная статья расходов, с которой Билли следует быть осторожней.

А второй человек во сне – что ж, он появлялся там ночь за ночью. Билли не знала, снится ли Чужой другим людям. Теперь этого и не узнать – кошмары, которые так широко освещались спустя дни и недели после путешествия Билли в Бездну, теперь пропали из поля общественного интереса. Когда всех терзает одна и та же болезнь, читать о ней никому не хочется.

Билли казалось, что это можно понять.

А еще она знала, что сны – это сны, но Дауд мертв, Чужого больше нет, и порождение Бездны больше не вернется, поэтому пусть он говорит каждую ночь, что угодно.

Билли высунулась в окно, вдыхая свежий воздух. Наконец

она почувствовала холод, но когда потянулась закрыть окно, облака расступились и осколок утреннего солнца пронзил мрак города, высвечивая ее маленький уголок в нем. На миг Билли закрыла глаза и наслаждалась теплом на лице, притворялась кем-то другим где-то в другом месте. Головная боль начала проходить, а когда она по рассеянности напрягла волшебную правую руку, то поняла, что стало легче и ей.

Потом она открыла глаза и прищурилась на свету. Перед ней раскинулся город Дануолл, тесный, с блестящими после ночного дождя черепичными крышами. Билли не могла не признать, что он на удивление красив, и, когда она высунулась дальше и глубоко вдохнула, то почувствовала аромат земли и камня, почувствовала запах воды и...

Билли скривилась, а потом вернулась в комнату и рассмеялась, зажав нос.

О да, *вот этот* Дануолл она помнит.

Потом смех застрял в горле, и она осталась у окна, глядя на открывающийся вид, и спрашивала себя, сколько осталось жить этому прекрасному, уродливому, блестящему, пахучему городу.

ТКАЦКИЙ КВАРТАЛ, ДАНУОЛЛ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Один месяц – столько Билли уже провела в Дануолле, и после года в пути этот месяц уже казался целой жизнью. А еще он был похож на долгожданное возвращение домой, и – по крайней мере пока, – она наслаждалась относительной стабильностью. В столице Империи прошла большая часть ее взросления, здесь она научилась навыкам выживания. И Билли не могла не признать, что на протяжении многих лет, проведенных вдали отсюда, она чувствовала зов Дануолла.

Стоя в дверях «Везучего купца» – захудалой таверны, которая стала ее прибежищем, – Билли закуталась в тяжелое тивийское пальто и застегнула двойной ряд пуговиц почти до шеи, прежде чем поднять огромный, закрывающий уши воротник. Сырое утро в городе всегда было холодным, а солнцу нужна была целая вечность, чтобы согреть гранит и черепицу. И кроме того, Билли не чувствовала тепла – настоящего,

приятного тепла – с самого...

Пожалуй, с того самого дня, когда она вошла в Бездну и изменила... всё.

Из кармана пальто она достала большую повязку из черной кожи и натянула на голову, чтобы скрыть Осколок Ока Мертвого Бога, до сих пор находившийся в правой глазнице. Осколок так и не замолк окончательно со дня падения Чужого, но силы, которые он даровал, угасли. Магия уснула и с неохотой отзывалась, когда Билли пыталась ее призывать, так что она особо и не старалась. Волшебный предмет в глазнице не сильно ей мешал – она отлично видела и с ним, – и даже без повязки уже не привлекал такого внимания, как раньше – с тех пор, как часть общества стала модифицировать собственные тела в отчаянных попытках остановить нашествие снов. За последний год во время своих путешествий она видела мужчин с осколками костяных амулетов, воткнутых в кожу, как рыболовные крючки. Видела женщин, чьи лица украшали странные татуировки, похожие на иероглифы, – скорее всего, случайные символы, лишь напоминающие руны, чьи защитные свойства были только вымыслом уличного художника, который предлагал разрисовать кожу неразборчивого клиента за немалую плату... Якобы эти рисунки могли защитить от кошмаров. Среди аристократов даже появилась мода вживлять в кожу драгоценные камни – блестящие резные грани изумрудов и рубинов геометрическими узорами покрывали щеки, руки, ладони...

Некоторые модификации казались Билли отвратительнее прочих, но она осознавала их пользу для себя – во время путешествий Осколок оставался почти незамеченным. Хотя иногда он вызывал интерес – обычно у тех, кто сам носил странные метки и потому принимал светящийся красный самоцвет в ее глазнице за более смелую (а значит, более любопытную) модификацию. Но сегодня она обойдется без внимания и без помех, особенно там, куда направляется. Миссия и так была тяжелой, и для Билли важнее всего была анонимность – по крайней мере пока.

Миссия. *Миссия.*

Билли перекатывала это слово в мыслях, шагая по городу. Можно ли это назвать миссией? Действительно, она вернулась в Дануолл с определенной целью, но «миссия» звучит как-то слишком претенциозно. «А вот Дауд назвал бы это миссией», – подумала она, посмеиваясь в воротник пальто.

Ах, Дауд. Со времени падения Чужого не было и дня, чтобы он не появлялся в ее мыслях. Билли находила в этом утешение. Он как будто был с ней, пока она путешествовала по Островам. Она помнила истории о жизни Дауда после его изгнания из Дануолла по приказу Лорда-протектора Корво Аттано – истории, которые он рассказывал о годах скитаний в поисках хоть какого-то смысла или цели в жизни, где он больше не находил себе места. Он нашел эту цель – и она поглотила его, стала им, повела в поход, в результате чего Дауд вернулся обратно в Карнаку. Там Билли и нашла его,

освободила, помогла. Учитель и ученица, снова вместе, в последней миссии, в последний раз.

Билли шла по улицам Дануолла. Теперь у нее своя миссия. Девушка спросила себя: что, если она лишь повторяет цикл «изгнание-странствие-возвращение», следуя по стопам Дауда? И не потому, что нашла собственную цель, а просто потому, что больше ничего в этой жизни не умеет?

Нет, дело не в этом. «У меня и правда, есть миссия», – говорила она себе, входя в Ткацкий квартал. Было еще рано, город только начал просыпаться, но торговые лавки на улицах этого района уже наполнялись суетой – двери открыты, занавески подняты, на мостовую выкатили бочки и тележки, выставив всем на обозрение лучшие товары Дануолла. Билли прошла мимо двух магазинов, где в безмолвном состязании за самый чистый порог в поте лица трудились работники в фартуках. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Улицы были тихими, но далеко не пустыми; она шла целеустремленно, подняв воротник, опустив голову и держа руки в карманах пальто, приобретенного в последней поездке на промерзшие северные Острова. Если купцы и торговцы Ткацкого квартала и пережили ночь кошмаров, они этого не показывали. Возможно, они, как и Билли, уже открыли для себя преимущества приема «Зеленой Леди».

Конечно, не каждый мог позволить себе эту травку, и даже тем, кто мог, она не всегда помогала. У Билли трава притупляла сны, но аналогичным образом действовала и на остро-

ту мышления. Хотя девушка и понимала, что это отнюдь не идеальный расклад, так было все же лучше, чем уступить ночным кошмарам. Она не могла представить, как их выносили те, кто не нашел какое-нибудь средство, будь то травка или нечто иное.

Потому что сны становились только хуже. Сначала Билли спрашивала себя, не сходит ли на нет действие «Зеленой Леди» потому, что организм привык к травке. Правда она уже месяц слушала болтовню в пабах и лавках Дануолла, в том числе истории моряков, только что сошедших с кораблей во множестве портов вдоль реки Ренхевен, и читала газеты – особенно из Морли и Тивии, где редакторы давали себе больше воли, чем пресса Дануолла... И у нее складывалось впечатление, что ситуация в самом деле становится хуже, а не лучше.

Все началось почти сразу же, как только Билли вернулась из Бездны. Мир показался ей... другим. Это невозможно было увидеть глазами – море, небо и земля по-прежнему были там, где им и полагается. Она помнила облегчение, которое почувствовала, когда мир остался на своем законном месте, но через некоторое время поняла, что кое-что все же изменилось.

Это было всего лишь ощущением, и все же Билли знала, что стала другой – девушка существовала каким-то образом отдельно от мира, хотя и не по своей вине, – так что она доверилась инстинктам. Несколько недель после возвращения

Билли оставалась в Карнаке, и каждую ночь спала так, как никогда прежде.

А потом начались сны. Они ее не беспокоили – поначалу. Всю жизнь она видела яркие сны, да и кошмары были нередкими гостями. Только вот прежние сны были не более чем следствием жизненного опыта, неудобством, которое будило время от времени, но скоро выветривалось из головы.

А вот когда она стала просыпаться под аккомпанемент собственных криков, то поняла – что-то не так.

Однако крики принадлежали не ей. Они доносились откуда-то еще, из-за окон, которые Билли открывала в жаркую и влажную ночь Карнаки. И это были не крики насилия, не вопли, плач и стонания, сопровождавшие боль и страдания, не звуки, ассоциирующиеся с преступлениями или, наоборот, тяжелой рукой Парадной серконской гвардии. Билли прожила достаточно долго, чтобы узнать подобные звуки.

Это были крики страха, чистейшего первобытного ужаса. В первую ночь, когда Билли вскочила на кровати с колотящимся сердцем, вырванная из собственного кошмара, ей показалось, что они принадлежат ее собственному миру снов. Но во вторую ночь она услышала их наяву, а потом слышала снова и снова, ночь за ночью, когда сидела у окна и наблюдала за Карнакой.

Казалось, что почти все в городе заснули, а потом их сны превратились в ужасы, наполненные такими реальными, такими отвратительными видениями, что люди в панике выбе-

гали из домов на улицу. После нескольких беспокойных ночей вместо того, чтобы лечь в постель, Билли отправилась на поиски источника этой ужасной какофонии... Но обнаруживала только ошарашенных обитателей города, блуждающих в темноте, которые сталкивались с такими же сновидцами, пораженно обмениваясь историями, иногда даже рыдая друг у друга на груди. Скоро Парадная гвардия усилила ночные патрули, стараясь по мере сил возвращать перепуганных людей обратно домой. Билли следила за патрулями, прислушиваясь к разговорам, и из них узнала, что Карнака – не единственный город, пораженный ночными ужасами. Согласно слухам – хотя они и отличались от официальных заявлений, – это происходило по всей Империи, от Тивии до Морли, от Гристоля до Серконоса.

Так что да, что-то случилось. Мир изменился, и Билли знала, что хотя это и не совсем ее вина, но точно дело ее рук.

Чужого нет, и мир изменился.

Тогда-то Осколок Ока Мертвого Бога и начал жечь. Сначала слегка – Билли даже не замечала этого, – но в следующие дни и недели боль медленно росла, пока не стала такой страшной, такой мощной, что ее голову словно сокрушало в тисках. Боль приходила и уходила, но Билли никогда не знала, когда та вернется, хотя использование сил Осколка явно не шло на пользу – и она все равно не могла сказать, подчинятся ли ей угасающие, хаотичные силы артефакта.

Помогала лишь «Зеленая Леди»... хотя чтобы одновре-

менно избавиться от боли и приглушить сны, приходилось жевать слишком много. Но все же лучше оставаться в здравом уме, пусть и такой ценой, чем проводить дни напролет в темных каморках, мечтая, чтобы боль ушла, и пытаясь не заснуть, чтобы не явились ночные кошмары.

Но запасы травки подходили к концу, и прежде, чем вернуться к миссии, Билли нужно было их пополнить. К счастью, Дануолл – одно из лучших мест для этого.

Потому что если нужно то, что не продают обычные торговцы, что-то противоестественное, незаконное, но прежде всего редкое (скажем, мешочек «Зеленой Леди»), Билли знала, куда идти.

Убедившись в том, что выбрала верное направление, она подтянула воротник пальто, поправила повязку над Осколком и направилась в Вирмвудский проезд.

УЛИЦЫ ДАНУОЛЛА

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Всего через пару минут Билли поняла, что за ней следят. Она направилась на юг, через мост Колдуин, потом повернула на запад, к улице Паттерсон. Дорога до Вирмвудского проезда была долгой, но идти было приятно... хотелось дать телу хоть какое-то упражнение, а прохладный утренний воздух ослаблял тупое нытье в голове.

А кроме того, Билли хотелось узнать, кто идет за ней по пятам.

Оказавшись на южной стороне реки, она узнала одно: тот, кто за ней следил, не был в этом деле таким уж мастером. Более того, попытка незаметного наблюдения представляла собой почти что фарс: Билли так и хотелось остановиться и представиться.

На человеке был тяжелый серый плащ, хоть и украшенный изящной черной вышивкой на рукавах, но явно знававший лучшие дни: некогда почти королевское одеяние ныне было

поношенным и рваным, а вышивка отходила от бархатистой ткани хлопающими лоскутами. Большой капюшон надвинут так низко, что мужчине явно очень трудно видеть хоть что-то кроме собственных ног и пары ярдов перед собой, не говоря уже о том, кого он преследовал. На улицах он бросался в глаза больше всех; оглядываясь через плечо, Билли заметила, что незнакомец привлек не только ее внимание, но и многих прохожих, и даже офицеров Городской стражи.

Цирк продолжался, и терпение Билли уже было на исходе. Время от времени она останавливалась, притворяясь, что проверяет направление или разглядывает витрины, проходя мимо торговых рядов; каждый раз фигура в плаще ныряла в подворотню или поворачивалась спиной, словно пышное одеяние делало своего хозяина невидимым посреди улицы. Стоило Билли возобновить движение, как оживал и «хвост», и снова догонял, почти наступая на пятки.

Билли не знала, кто это, не знала, зачем он за ней идет, и ей было на это плевать. За последний год в мире произошло много странного, и немало граждан Империи были так или иначе затронуты этими событиями. Билли спросила себя, не скрывает ли объемистый капюшон какую-то модификацию – или, возможно, его хозяин недавно переел какой-то собственной травы.

Ее гнев угас, сменившись весельем. Интересное развлечение. Преследователь не представлял опасности, так что через какое-то время она забыла о нем. А когда подошла

к Вирмвудскому проезду, боль в голове стала нарастать, и Билли вернулась мыслями к насущному делу, а именно – необходимости добыть пару добрых унций «Зеленой Леди». Подойдя к улице Даррелсон, длинному проулку, служившему неофициальной северной границей района Вирмвуд, Билли ощупала монеты в кармане. Этого было более чем достаточно, чтобы спокойно пережить следующие недели – но сколько именно, зависело от текущей цены, которую выставляли торговцы черного рынка Дануолла.

На улице Даррелсон пешеходное движение заметно поредело. Билли миновала троицу солдат из Городской стражи под фонарным столбом. Мужчины дошли до конца своего патрульного маршрута и не желали делать ни шагу дальше. Она почувствовала на себе их взгляды, когда пересекла невидимую границу и оказалась в Вирмвудском проезде.

Опустив голову и поддернув воротник, Билли споро двигалась вперед. Конечно, Вирмвудский проезд считался несколько... необычной улицей, но на окраинах района не было особо опасно. Разумеется, Билли была не единственной, кто сегодня ступил на эту территорию. Может быть, Городская стража и не заходит дальше Даррелсон, но, несмотря на ранний час, товары, выложенные на обозрение у подножий перекошенных зданий, уже изучали несколько рискованных горожан.

Однако то, что ей было нужно, не найти в самом Вирмвудском проезде. Придется углубиться в район и дойти до

улицы Мандрагоры, где стояла знакомая Билли аптека.

Несколько минут спустя, свернув на эту улицу и увидев справа впереди нужный магазин, Билли остановилась и оглянулась. Человек в нелепом плаще, следивший за ней, исчез – видимо, побоялся заходить в район, повсеместно известный своими злодеями.

Билли улыбнулась: в их числе была и она. Когда-то.

Она прошла дальше по улице и вошла в лавку.

* * *

Аптека на улице Мандрагоры представляла собой одно квадратное помещение. Вдоль стен здесь стояли шкафы с банками, склянками и бутылками сотен форм, размеров и цветов, а в середине высились еще два стеллажа с такой же посудой. В дальнем конце комнаты, напротив двери, находилась стойка, также служившая барьером, закрывающим доступ к самым дорогим – и сильнодействующим – средствам, запертым в шкафчиках за стеклянными дверцами в свинцовых переплетах.

Билли была не единственной покупательницей. За стойкой аптекарь – бородач с грудью колесом и неохватными ручищами, который даже в грязном белом халате выглядел словно костолом из «Банды Мертвых Угрей», – беседовал с молодым человеком куда меньшего роста, одетым в унылую серую одежду, почти лохмотья. Даже от дверей Билли

почувствовала вонь, несмотря на оглушающую смесь ароматов, разлитую в воздухе.

Аптекарь бросил на нее взгляд через плечо клиента. Когда тот равнодушно фыркнул, Билли заметила, что у него самого есть модификация тела – изогнутый осколок слоновой кости, похожий на крючок, продетый в правую щеку. Кожа у прокола выглядела красной и воспаленной. Когда аптекарь вновь переключился на клиента, Билли зашла за один из шкафов в центре комнаты, скрываясь от взглядов.

Когда ходишь за покупками в Вирмвуд, обычно не нарушаешь приватность других покупателей.

Билли поджала губы, оглядывая полки вокруг, но то, что она искала, было не на виду – даже не в закрытых шкафах за стойкой. «Зеленая Леди» была более необычным товаром, чем любой экспонат из впечатляющей коллекции зелий, трав, мазей, бальзамов и порошков, выложенных на всеобщее обозрение в главном зале. Придется подождать и лично спросить аптекаря, попытаться сторговаться о хорошем запасе... и лучше, когда в лавке никого не будет.

Вот только первый клиент не выказывал никакого желания уходить. Билли сложила руки и нахмурилась, стоя спиной к парочке и подслушивая разговор.

– А теперь слушайте, и слушайте внимательно, – говорил аптекарь. – Вы больше не получите «Аддермир», и точка, – голос был спокойным и ровным, но с силой, придающей словам вес, на который покупатель, однако, не обращал никако-

го внимания.

Билли бесшумно повернулась и высунулась из-за полок, чтобы видеть происходящее.

– Погоди, Джеко, – говорил клиент, протягивая руку к аптекарю. – Прошу, послушай меня, Джеко, послушай. Мне нужен всего один флакон. Всего один, и я от тебя отстану. Обещаю, Джеко, правда обещаю.

Джеко отодвинулся и сложил толстые руки на груди. Надулся и чуть покачал головой.

– Простите, мистер Вудроу, но я ничем не могу...

– Джеко! Ну брось, Джеко! Помоги как друг, ну?

Аптекарь вздохнул и опустил руки, потом угрожающе оперся на стойку – но Билли видела: клиент в таком отчаянии, что не обратил внимания и на это. Он только вздрогнул, но Билли не знала, то ли из-за кончающегося терпения аптекаря, то ли от чего-то еще, – хотя она поставила бы деньги на последнее. С мужчиной явно было что-то не так.

– А теперь слушай сюда, Хэйворд, – сказал Джеко, и теперь его голос превратился в глухой рокот, исходящий из объемной груди. – Слушай, я хорошо к тебе относился, ты и сам знаешь. Я в курсе твоих проблем и всегда пытался помочь. Но и ты должен понимать, что я не занимаюсь благотворительностью. То, что я знал твою мать и помог ей, когда твоему отцу стало хуже, еще не значит, что я могу обеспечивать тебя «Аддермирской микстурой». Ее больше не делают. То, что у меня осталось, стоит дорого, и я собираюсь

это приберечь.

– Я заплачу! – выпалил Вудроу, его руки нырнули в складки рваной одежды. – Джеко, я могу заплатить... я просто... – он помолчал, опустив взгляд на руки, на пустые ладони. Потом вздернул голову и оперся на стойку, так что его лицо оказалось на уровне подбородка Джеко. – Я знаю одно место, – сказал он слишком быстро. – Я с тобой рассчитаюсь, Джеко. Я знаю одно место, секретное, где хранится платина Аббатства. Это... тайник. Это недалеко. Я просто... мне просто нужно время, чтобы туда добраться, сам понимаешь. И, может... и, может, ты одолжишь микстуру перед тем, как я уйду, всего пару капель, только чтобы я обернулся быстрее, правильно, Джеко? Правильно? Джеко, ответь, я все правильно говорю?

Джеко вздохнул, потом одним ловким движением схватил Вудроу за грудки потрепанной куртки, поднял с пола и потянул через стойку к себе.

– Больше не смей заявляться ко мне с этой байкой! – проревел Джеко. – Ты мне ее уже второй раз всучиваешь, только в мозгах у тебя ничего не держится! Ты знаешь не хуже меня, что все сокровища и деньги, которые зажиллил Верховный смотритель, конфисковала императрица, когда выпустила Аббатство Обывателей.

– Нет-нет, не все, Джеко, не все, – ответил Вудроу, пытаюсь говорить, несмотря на то, что его шею стискивали кулаки аптекаря. – Слушай, Джеко, мы с парочкой других смот-

рителей...

Джеко втоптал его дальше на стойку. Вудроу вскрикнул от удивления и брыкнул одной ногой, сбив коленом латунные банки, которые с дребезгом попадали на пол и рассыпались, припорошив камни мелким темно-зеленым порошком.

Джеко ощерился.

– Нет, это ты послушай меня, Хэйворд. Смотрителей больше нет, сынок. Ты знаешь это лучше меня. И «Аддермирской микстуры» для тебя больше нет. Так что либо проваливай и больше не возвращайся, либо я переломаю тебе ноги, и можешь ползти к своим дружкам и сказать, что терпение Джеко кончилось, понял, приятель?

Билли наблюдала за разворачивающейся сценой с интересом. Итак, клиент заявлял, что он был зрителем. Билли тихо хмыкнула про себя.

Конечно, зрителей нет. Больше нет. Это тоже изменилось после падения Чужого – и это было куда понятнее, чем странные сны и видения. Всего через пару дней после возвращения Билли из Бездны до нее стали доходить слухи о странных делах в Аббатстве Обывателей. Какое-то время девушка пропускала их мимо ушей, но со временем они становились все более изощренными, пока не превратились в причудливую байку: будто бы Верховный зритель свихнулся и, собрав на встречу высокопоставленных членов Аббатства и сестер ордена Оракулов, убил больше десятка братьев и сестер – включая Верховного Оракула, – прежде чем

его остановили.

Это случилось год назад. С тех пор официально не было ни новостей, ни заявлений, ни прокламаций, но Билли собрала историю по кусочкам и выяснила, что сразу после падения Чужого ни Верховного смотрителя, ни Верховного Оракула на публике не видели.

Аббатство Обывателей продержалось после этого всего полгода, а потом императрица Эмили Колдуин без предупреждения закрыла заведение. В Аббатство Дануолла вошел целый батальон солдат из Уайтклиффа – символическая демонстрация силы. Солдаты заняли здание, пока из него забирали все ценное. Большинство смотрителей просто бежали. Тех, кто пытался сопротивляться, либо убили, либо отправили в тюрьму Колдридж, где они и оставались по сей день. Были и другие слухи – будто Верховный смотритель не умер, будто его, со сломленным разумом, сначала прятали в Аббатстве, а теперь заключили в Колдридж в железной клетке.

Насчет этого Билли была не так уверена.

Но смотрителей хотя бы не постигла та же судьба, что сестер ордена Оракулов. Когда Аббатство распустили, а пост смотрителя упразднили, тем, кто не противился имперской армии, позволили идти на все четыре стороны. А на сестер охотились – по всем островам их часовни брали штурмом, большинство сестер публично сжигали на кольях.

Но, если верить источникам Билли, это было не дело рук Эмили. Приказ императрицы что для Аббатства, что для ор-

дена был одинаковым, ведь все это были ответвления одной организации. Но с солдатами, отправленными за сестрами, что-то случилось, и то, что должно было стать жестким, но законным подавлением инакомыслия, обернулось кровавой баней по всем Островам. Часовни сносили, а сестер убивали. Новости шокировали, хотя больше шокировало – по крайней мере Билли, – молчание императрицы. Билли так и не узнала, что случилось с солдатами, отчего они перестали подчиняться приказам. Кое-кто говорил, что они насмотрелись в стенах часовен на ужасы за пределами человеческого воображения, вот и впали в бешенство. Другие говорили, что ответственность несет клика полководцев с садистскими наклонностями и зубом на сестер.

Как бы то ни было, сестер ордена Оракулов больше не было.

Тем временем странное поведение тех зрителей, что скрывались по всем Островам в страхе перед казнью, становилось просто пугающим. Билли подозревала, что дело в тех же снах, что донимали остальных, но из-за того, что зрители были одержимыми магией, эти люди, похоже, подверглись более сильному воздействию. В исступлении они дрались между собой на улицах, становились невменяемыми и крайне опасными. Те, кого не арестовала Городская стража, забились в темные уголки и обратили свое воспаленное внимание к низкопробному волшебству в попытке восстановить былой статус – и разум.

Хэйворд Вудроу хотя бы казался одним из самых разумных бывших зрителей, которых встречала Билли. То, что он еще жив, уже немало говорило о его навыке самосохранения – для этого нужно иметь хоть какую-то смекалку.

Сейчас Джеко и Вудроу за аптекарской стойкой оказались в патовой ситуации. Повисший над стойкой, в накрученных на кулак лохмотьях, чахлый Вудроу физически не представлял угрозы для мускулистого амбала-аптекаря. Джеко явно знал свое дело – в его закромах хранилось множество редких, ценных и запрещенных предметов, и ему приходилось регулярно справляться с угрозами пострашнее, чем Вудроу. Билли кляла себя за то, что вошла посреди этого разговора. Ей нравилось думать, что она терпеливый человек, но шум в голове становился все громче, и оставалось только надеяться, что он не отвлечет ее от торговли за лучшую цену на «Зеленую Леди».

Джеко снова ощерился, однако выпустил Вудроу. Молодой человек соскользнул со своей стороны стойки, потерял равновесие и тяжело приземлился на костлявый зад. Джеко, снова стоя со сложенными руками, взглянул на бывшего зрителя свысока, с ухмылкой на губах.

– Теперь тащи свою тощую задницу подальше из моей лавки и ползи в ту черную дыру, из которой явился. И можешь сказать друзьям, что отныне магазин Джеко для них закрыт, ясно?

Вудроу пополз назад, пока не уткнулся к шкафу за спи-

ной, подскочив от неожиданного испуга. Билли видела, что он трясется все больше. То, что он так нуждался в «Аддермирской микстуре», явно намекало на то, что у него выработалась зависимость. Возможно, благодаря ей он и оставался в уме так долго. Неудивительно, что он в отчаянии.

И она тоже. Возможно, она тоже подседа на «Зеленую Леди». Трава не была особенно опасной или даже сильной – Билли не представляла, сколько нужно принять, чтобы испытать такую же ломку, которую сейчас проходил Вудроу, – но она чувствовала почти ту же иррациональную тягу к снадобью. Однако теперь, увидев Вудроу, дрожащего на полу в лохмотьях, она дала себе слово, что никогда не позволит себе пасть так низко. Она сильна. Она держит себя в руках.

И то, что говорил Джеко, было правдой, – «Аддермирскую микстуру» больше не делают. Насколько она знала, никто больше не занимался этим восстановительным эликсиром.

Билли устала ждать. Ей еще предстояла работа, а сцена у аптекаря была только раздражающей помехой на пути к цели. Она обогнула шкаф и подошла к стойке, не обращая внимания на Вудроу, чтобы приступить к торговле с Джеко в угоду собственным потребностям.

Тогда-то Вудроу и вскочил на ноги. Из глубин плаща он извлек грубо сделанный нож с клинком из неровного треугольного осколка черного металла, с неровной, почти волнистой поверхностью, и рукояткой из грязной тряпки.

– Назад! Все назад! – кричал он, размахивая перед собой

ножом.

Билли посмотрела на него, посмотрела на нож... и почувствовала режущую боль в голове – Осколок вдруг словно загорелся, обжигая глазницу, как уголь. Она зашипела от мучительной боли и почти упала на стойку. Когда же подняла взгляд на Вудроу, то увидела, что его странный клинок оставляет в воздухе след красного и синего цветов, словно перед глазами Билли мелькали два наложенных друг на друга остаточных образа оружия.

Билли сосредоточилась на дыхании. Она уже видела нечто подобное – даже несколько раз: пустоты, слабые места, где Бездна просачивалась в мир, намекая на... что-то иное. Еще она знала, что ни Вудроу, ни Джеко не видели цветных пятен. Их видела только она – благодаря Осколку.

Оружие Вудроу было не обычным. Оно было связано с Бездной – напрямую.

Джеко поднял бровь и взглянул на Билли, которая приходила в себя. Потом вздохнул и обернулся к Вудроу. Даже с ножом он в подметки не годился аптекарю – если только Вудроу очень, очень сильно не повезет.

«С другой стороны, – подумала Билли, – он в отчаянии. Он зависимый, и ему нужна доза, и он пойдет на все».

А значит, он становился опасным и непредсказуемым. Вудроу казалось, что ему нечего терять.

И кто знает, какими силами обладает странный нож?

Билли моргнула и сделала осторожный шагок в сторону.

Вудроу следил за ней. Он поводил ярким лезвием ножа из стороны в сторону, нарезая воздух между собой и двумя противниками. Джеко за стойкой разминал плечи, готовый справиться с новым уровнем раздражения проблемного покупателя. Главным тут было выдворить Вудроу целым, понимала Билли. Эта часть района Вирмвуд была слишком близко к относительно безопасной части Дануолла, и, пусть здесь бывало непросто, поход в магазины и на рынки в этом конце улицы Мандрагоры едва ли считался опасным времяпрепровождением. Понятно, что большая часть уважаемых горожан Дануолла считала, что в интересах местных предпринимателей – законных или нет – необходимо защищать район от преступлений и насилия. Более того, эта задача целиком ложилась на их плечи, учитывая, что Городская стража отказывалась патрулировать здешние места.

Или, иными словами, наркозависимый бывший смотритель, угрожающий людям причудливым ножом, вредил бизнесу.

Вудроу как будто не знал, что делать дальше. Понятно, что отчаяние из-за «Аддермирской микстуры» затмило логическое мышление. Но даже вооруженный, он бы не справился с Джеко – и точно не справился бы и с ним, и с Билли.

Правда же? Билли снова взглянула на нож, спрашивая себя, что это и откуда взялось. Почти рефлекторно она напрягла пальцы руки из черных осколков, готовая призвать собственное затронутое Бездной оружие.

Но быстро передумала, остановив себя. Сила ее руки, как и глаза, становилась непредсказуемой, ненадежной. Призыв Двудольного Ножа может как материализовать оружие в руке, так и пронзить ее болью, да такой, что Билли повезет, если она проснется раньше чем через неделю.

Сейчас не время для экспериментов. Придется положиться на природные умения, как она делала уже на протяжении всего года. Надо помочь аптекарю и получить то, за чем она пришла. За спиной она услышала, как Джеко хрустит костяшками пальцев.

Время вышло.

Аптекарь подошел к концу стойки и откинул крышку, выходя наружу. При этом Вудроу будто ожил, прижавшись к шкафу и вытянув перед собой нож. Когда стойка со стуком захлопнулась, бывший смотритель испуганно подскочил, и от внезапного движения стеллаж закачался, уронив несколько склянок, которые зазвенели на каменном полу. Две больших стеклянных банки разбились, выпустив в воздух свое содержимое – какие-то легкие сушеные цветы, – и заполнили магазин приторно-сладким ароматом тлена.

– Ну все, в этот раз ты действительно напросился, сынок, – сказал Джеко, закатывая рукава белого халата и обнажая сложные темные татуировки, покрывающие оба предплечья. Рисунки могли быть как декоративными, так и, возможно, древними рунами, которые должны были защитить хозяина и его предприятие. – Хватит с меня на это утро. У

меня тут торговля, а ты теперь немало должен мне за нанесенный ущерб.

Джеко сделал шаг вперед, и Вудроу взмахнул ножом – лезвие сверкнуло в глазу Билли. Между мужчинами было по меньшей мере два ярда, и выпад нисколько не замедлил поступь Джеко, готового выкинуть докучливого покупателя из магазина.

Тогда Вудроу издал звук, одновременно напоминающий крик ярости и горя. Он выпрямился и повернул нож к себе, полоснул, чтобы сорвать остатки куртки и обнажить грудь. Потом перехватил самодельную рукоятку и неглубоко вонзил острие прямо под ключицей. Вскрикивая, он начал вырезать на плоти линии.

Джеко остановился, наморщив лоб в непонимании. И отступил в сторону как раз тогда, когда Билли подошла ему помочь. Они недоумевающе переглянулись, затем Джеко вернулся к Вудроу.

– Ты что, еще и пол мне кровью залить вздумал? – сказал Джеко, качая головой и сжимая ручищи в кулаки. – Ах ты кусок дерьма, я замариную твою печень и продам за гроши, мелкий...

Джеко замер. Билли уставилась на него, не понимая, что случилось, а потом увидела, что мышцы на шее аптекаря вздыбились, связки напряглись, как тросы, а он затрясся, будто прикованный к месту.

И тогда Осколок снова полыхнул, а по всему лицу распро-

странилась обжигающая боль, так что Билли охнула. Из-за рева в ушах она слышала кое-что еще:

– Ирам да хаал, ирам да хаэлт, тилб мал, ирам, ирам!

Лицо Вудроу дергалось, а глаза закатились. Он повторял эти странные слова, продолжая водить кончиком ножа по коже. Билли сосредоточилась снова, сконцентрировалась и шагнула к Джеко. Тот покачнулся на каблуках, когда она схватила его, но не шелохнулся, пока она цеплялась за него на пути к Вудроу. Ее легкие тяжело работали, а в глазах снова мелькали красные и синие контуры лезвия.

Последовавший грохот помог прочистить голову. Очнувшись хотя бы частично, Билли оглянулась через плечо и увидела, что Джеко рухнул, как подрубленное дерево. Онемевшие мышцы шеи, к счастью, спасли его от того, чтобы раскроить череп о камни, однако он судорожно содрогался с широко распахнутыми глазами, а в уголках рта аптекаря показалась белая пена.

Вудроу соскользнул на пол, прижимаясь спиной к шкафу, а по его груди и рукам сбегала кровь. Он все еще держался за нож, но лезвие уже не двигалось, острие застряло в порезе под грудной клеткой. Кровь мешалась на полу с сушеными цветами и сворачивалась в темную, липкую жижу.

Билли сделала шаг, потом другой – они дались ей тяжело. Ожил очередной кошмар – бесконечная битва с невидимой силой. Она видела, как Вудроу шевелит губами, продолжая бормотать:

– Эко, лазао, лаполай, ирам. Эко, лазар, лаполай, ирам.

Билли не представляла, на каком языке он говорит, и ей было, в общем-то, плевать. Очевидно, это какое-то заклинание, какая-то грубая и неумелая манипуляция энергией Бездны – при помощи ножа? – которая даже возымела действие на этот мир.

И эффект становился все сильнее. На лбу Билли выступил пот, а попытки добраться до Вудроу не увенчались успехом. Шкаф за ним заметно дрожал без всякой причины, а позади... она услышала громкий треск – начали раскрываться стеклянные шкафы за стойкой.

Она уже видела волшебство. Оно явно связано с ножом. Билли порадовалась, что ей хватает сил сопротивляться.

По крайней мере пока.

Она стиснула зубы и обнаружила, что где-то глубоко в груди зарождается низкий рык. Последовавший крик удивил даже ее, когда она прыгнула на бывшего зрителя. Вудроу, впавший в транс, не заметил ее приближения.

Как только тела соприкоснулись, эффект заклинания прервался. На кратчайший момент Билли казалось, что она зависла во времени – ровно в тот момент, когда ее поднятая рука встречалась с челюстью Вудроу. Затем этот миг прошел, и Билли повалилась на Хэйворда, а молодой человек обмяк под ее весом. Он тут же начал трястись, и его конвульсии становились все сильнее. Билли прижала его к полу, чтобы приступ прекратился. Через пару мгновений тело Вудроу

расслабилось – припадок кончился. Вот он вздохнул, голова его перекадилась в сторону, и он потерял сознание.

– Чтоб меня!

Билли слезла с молодого человека и обернулась к подходящему Джеко. Аптекарь поглаживал затылок одной рукой, а второй стирал пену с губ, но в остальном выглядел нормально. Он встал над Вудроу, глядя на изогнутое тело.

– Как есть говорю, – сказал Джеко, – в эти двери какая только мразь не входила, но еще никто не резал себя в моем магазине только потому, что я отказался продавать в кредит, – он вздохнул и посмотрел на бывшего зрителя. – Так, ну он же не умер, да?

Билли покачал головой:

– Нет, просто в обмороке.

– Тем хуже, – сказал Джеко. Он осторожно присел рядом с бездыханным телом, стараясь не влезть в лужу из сушеных цветов и крови на полу. Всмотрелся в нож, рукоятку которого еще слабо сжимали пальцы Вудроу. – Странный клинок, – сказал здоровяк. – Как будто кустарный, словно парень высек его из камня, – он пожал плечами. – Вроде бы металл для этого лучше подходит. Даже тот, кто живет на помойке, мог бы найти железку, чтобы сделать заточку.

В глазах Билли нож все еще истекал красно-синей аурой. От этого Осколок в голове пел.

Это в самом деле был камень. Джеко прав; теперь она и сама это видела. Осколок камня, из которого вытесали при-

митивное, но вполне достойное оружие.

Ей казалось, что она отлично знает, что это за камень.

– Кажется, это артефакт, – сказала она. – Что-то связанное с Бездной.

Джеко повернулся и взглянул через плечо на Билли. Его губы были скептически поджаты, но в глазах виднелся интерес.

– Думаешь?

Билли пожала плечами:

– Он откуда-то черпал силу. Это не обычное волшебство.

– Это уж точно, – сказал Джеко, снова потирая затылок.

Он начал разгибать пальцы Вудроу на рукояти ножа. – И все же это не объясняет такой глупости. Если ему так нужна была микстура, мог бы отдать мне это, – освободив нож, Джеко изучил его, аккуратно крутя в руках. – В наши дни торговля артефактами идет бойко, – он поднял нож к свету. – Неплохо. Очень даже неплохо.

Билли бросила взгляд на Вудроу – раны того все еще сочились кровью, у тела скопилась целая лужа.

– Давно он твой покупатель?

Джеко все еще любовался новым приобретением.

– М-м-м? А, всего пару месяцев, – сказал он. – Забирал столько «Аддермирской микстуры», что я думал, он покупает для целой группы. Ну знаешь, других смотрителей. Он ничего не говорил, а я не спрашивал, ведь его деньги не хуже других. И поверь, я не жаловался. «Аддермирская миксту-

ра», скажем так, вещь редкая, с ценой под стать.

Билли нахмурилась:

– Полагаю, покупал на деньги, украденные из Аббатства?

Джеко только пожал плечами:

– Мне-то какая разница? Монета есть монета, платина есть платина. Хотя Аббатство распустили, и торговля их слитками вне закона, так что надо быть осторожнее, – он показал большим пальцем через плечо на заднюю часть лавки. – Но у меня есть свой горн. Не получается раскопегарить, чтобы расплавить их целиком, но можно размягчить, чтобы выковать новые формы, – он повернул нож в руке, потом показал им на Вудроу. – Вот только у него все кончилось.

– А ты продавал ему в кредит? – не похоже на обычную практику для владельца магазина в Вирмвуде, даже в наиболее напоминающем респектабельный краю района.

– Ну, – сказал Джеко, разводя руками, – он же был хорошим покупателем. Я неплохо на нем нажился, а он сказал, что у него есть еще деньги. Я не собирался отказываться от этого источника дохода, понимаешь?

– Вот только он так и не принес деньги, – сказала Билли.

– А? Нет, не принес. И да, пожалуй, я сгупил. Давно его не видел, а потом он начал заходить и клянчить еще. Сперва вроде бы понимал, что значит «нет», но с каждым разом спрашивал все отчаяннее. В смысле, сама погляди на его состояние! Никогда его таким не видел. Подсел он на эту штуковину, как я погляжу.

Джеко отвернулся и шагнул обратно за стойку, изучая разбитое стекло шкафчиков.

– Бездна возьми, ну и кавардак, – он присвистнул сквозь зубы. – Ну, все-таки он возместил ущерб. – Джеко подбросил нож в руке, потом остановился и оглянулся через плечо. – Как он там, все еще заливает гребаной кровью мой гребаный пол?

– Да.

– Ну ладно, – сказал Джеко, нагнувшись за чем-то за стойкой. Миг спустя он показался обратно со стопкой марлевых повязок и ворохом цветных тряпок. – Пожалуй, стоит его залатать, прежде чем выкинуть. Клиент, обливающийся кровью на пороге, – зрелище так себе, а я все-таки еще аптекарь, – он помолчал. – И да, спасибо за помощь, дамочка. Видать, ты сама за чем-то пришла. Помоги-ка еще разок, и может, сговоримся о скидке.

На этом он бросил стопку лоскутов Билли. Она поймала, потом вздохнула, присела и начала разворачивать повязки.

Работая, она вспоминала заклинание – и думала о ноже. Определенно, это артефакт, но не древний. Вудроу сделал его сам, вырезал нож из осколка камня – очень необычного камня.

Камня Бездны.

Билли взялась за рану Вудроу. Ее устраивало, что Джеко оставил нож себе, – в конце концов, это его магазин, – но это не мешало ей задуматься, откуда Вудроу достал такой

камень.

Возможно, все куда хуже, чем она предполагала.

РАЙОН ВИРМВУД, ДАНУОЛЛ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Миру пришел конец. Теперь Билли была в этом уверена даже больше, чем всего час назад, увидев примитивные, но эффективные сверхъестественные манипуляции Вудроу. Это и то, что у него в руках оказалась часть камня Бездны такого размера, чтобы сделать нож, означало, что все не просто плохо – дела становились куда хуже.

Билли вышла из аптеки с маленьким мешочком «Зеленой Леди» и полегчавшим кошельком. Скидка, которую в итоге предложил Джеко, даже несмотря на то, что Билли помогла ему выкинуть перевязанного Вудроу в подворотню за магазином, помогла слабо. Но Билли обнаружила, что неожиданно полученная информация сама по себе стоила визита.

Направляясь на север от Вирмвудского проезда, обратно к могучей реке Ренхевен, Билли снова сосредоточилась на миссии – причине, по которой она вообще оказалась в Дануолле. Она провела здесь месяц и мало чего добилась; теперь

же случайная встреча в аптеке подарила ей последний кусочек головоломки, и у нее хватало информации, чтобы начать действовать.

Потому что в мире происходило кое-что похуже, чем эпидемия ночных кошмаров и возрождение странного волшебства. Это все только симптомы чего-то посерьезнее.

Мир раздирало на части.

Это началось вскоре после роспуска Аббатства Обывателей, и Билли подозревала, что эти два события вполне могут быть связаны. Потому что кто знает, какие таинственные ритуалы проводили в стенах священного здания Верховный смотритель и Верховный Оракул, чтобы восстановить ущерб, нанесенный Билли? Чужой пал, а на его месте остался вакуум, ибо от черноглазого ублюдка зависело само существование Аббатства и Ордена.

На что они пойдут, чтобы заменить его? Вернут в Бездну новое божество?

Это было не более чем подозрение, но Билли была готова поставить на него. Потому что первые разломы Бездны появились как раз перед тем, как императрица объявила роспуск орденов.

Билли видела первый такой разлом в тундре Тивии и прошла тяжелейший путь между Мейей и Прадимом в погоне за слухом. Сперва ей казалось, что это не отмеченный на карте ледник, но, когда она подошла ближе, поняла, что огромная стена, перерезающая снежную пустошь, сделана не из зна-

менитого синего льда Тивии – более того, это вовсе не твердая стена. Она переливалась, как рваный занавес из света, колыхалась над землей. Она растягивалась, насколько хватало глаз, и раскинулась как будто от горизонта до горизонта. Сквозь нее было невозможно смотреть, хотя она и не казалась непрозрачной.

Чем-то она напоминала те пустоты Бездны, которые Билли уже видела, но сам масштаб явления оказался за пределами всего, что она встречала прежде. И хотя это была не пустота – за ней или сквозь нее ничего нельзя было разглядеть, только все более глубокие слои дрожащего расколотого синего света, Билли была достаточно хорошо знакома с магией и Бездной, чтобы понять, что перед ней.

Трещина. Прорыв в самой ткани реальности – проход между этим миром и Бездной. Падение Чужого каким-то образом разорвало два параллельных измерения, и барьер между ними сдвинулся, как геологический разлом.

Разрыв был великолепен. Он плясал перед взором Билли, пока Осколок раскалялся в ее голове, затмевая зрение красно-синими искрами до тех пор, пока реальный мир полностью не пропал из поля зрения. Она упала на колени, когда боль охватила все тело. Закрыла глаза, сосредоточившись, выталкивая силу Осколка из разума, пытаясь сфокусироваться на том, что было вокруг нее там и тогда. Снег. Лед. Скалы. Мир, реальный мир.

И тогда она услышала этот звук и почувствовала слабую

вибрацию. Откуда-то доносился гул, словно от бака с ворванью. Ее взгляд прояснился, и Билли увидела, что разлом двигается на нее. Движение было бесконечно медленным – всего несколько миллиметров за минуту. Таким темпом пройдут месяцы, если не годы, прежде чем он достигнет цивилизованных стран.

Но рано или поздно ведь достигнет.

Тогда Билли и поняла, в какой опасности находится мир. Его не просто изменило падение Чужого; оно его повредило – физически.

Билли развернулась и направилась обратно в Мейю. Оттуда она морем добралась до северного Гростоля. Когда она прибыла, люди уже говорили об этом, пересказывая истории путешественников и торговцев, видевших странные светящиеся трещины в небе, дыры в мире. Какие-то были не больше ладони, а другие размером с дом.

Билли знала, что это не предел их размеров.

Она направилась на юг в погоне за слухами, выискивая истории. Она нашла новые разломы Бездны, хотя и не такие огромные и разрушительные, как в тивийских снегах. Но со временем историй становилось больше. Наконец, их подхватили газеты; хотя со временем сенсации опровергались официальными заявлениями Академии натурфилософии в Дануолле, которые настаивали, что разломы Бездны – всего лишь природный атмосферный феномен.

А потом случилась Альба.

Сообщения были смутными, правду вычлениить было невозможно, но Билли смогла сложить общую картину.

Город в южном Морли поразил разрыв, такой большой, что он буквально разорвал Альбу напополам. Этого хватило, чтобы пороховая бочка рванула, повредив деликатное равновесие сил между правителями страны, королевой и королем. Разгорелась гражданская война, продлившаяся ровно три дня, прежде чем объявили перемирие, а враждующие супруги уладили свои разногласия. Но к этому времени от Альбы остался только щебень, а жертвы среди жителей исчислялись тысячами.

Это было в конце прошлого года. Билли не видела город сама, хотя и ездила в северный Морли, пытаясь обнаружить хотя бы часть Тивийского разлома, тянувшегося на восток по Островам. И она нашла его – гигантскую стену, сдвинувшуюся на несколько миль к югу от предыдущей широты.

Теперь только вопрос времени, когда она захлестнет мир, уничтожая все на своем пути.

Надо отдать должное, после Альбы власти обратили внимание на происходящее. Императрица мобилизовала батальоны в Уайтклиффе, хотя Билли встретила на своем пути всего несколько полков, часто в сотрудничестве с местным ополчением и Городской стражей охранявших большие разломы, выросшие по всему Грислою.

Но на самом деле солдаты были бессильны и они сами это знали.

Именно поэтому Билли и вернулась в Дануолл. Она видела последствия разломов Бездны собственными глазами. Она осознавала угрозу, но, несмотря на свои знания, эту проблему решить не могла. Если она хотела спасти мир, ей понадобится помощь. Ей понадобится Эмили Колдуин, императрица Островов, закаленная путешественница и преданный друг.

Но Эмили не было в городе. Едва прибыв в Дануолл, Билли отправилась в Башню – ей были гарантированы свободный вход и аудиенция у императрицы. Время было на исходе, а ей нужно было многое обсудить со старой подругой.

Стража Башни пропустила девушку без промедления – при императорском дворе ее приняли сразу же, – только вот императрицы там не было. К своей досаде, Билли обнаружила, что Эмили и ее отец, Лорд-протектор Корво Аттано, отправились в официальное путешествие на север, в Вей-Гон, с дипломатической миссией. Предполагалось, что они вернутся только через несколько недель.

Билли покинула Башню Дануолла, повторяя любимые проклятья на нескольких языках.

Следующие недели она пыталась связаться с Эмили, но Вей-Гон находился у северных пределов Империи, и коммуникация была медленной и сложной. Тем временем головная боль усиливалась вместе с тягой к «Зеленой Леди», пока наконец Билли не осознала, что во всем мире есть только одно место, где она может надеяться найти помощь.

Академия натурфилософии.

АКАДЕМИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ, БОРДОВЫЙ ПРОЕЗД, ДАНУОЛЛ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Академия натурфилософии гордо возвышалась на окраине Дануолла, украшенная перпендикулярными колоннами и готическими арками. В центре площади Академии высилась знаменитая бронзовая статуя ее основателя, Эразма Кулика, и там Билли остановилась, чтобы облизать остатки «Зеленой Леди» с зубов, прежде чем прочистить горло и подняться по изогнутой каменной лестнице в виде раковины, ведущей внутрь. Она поправила повязку на Осколке. Ей не хотелось, чтобы глаз или рука отвлекали внимание людей, с которыми она собиралась встретиться.

Надеялась встретиться. Войти в здание было легко – хотя Академия была закрыта для всех, кроме членов ученого общества и студентов, долгое знакомство Билли с самым знаменитым сыном института, Антоном Соколовым, гарантировало ей свободный вход. Но войти в дверь – одно, а встре-

титься с академиками – совсем другое. Даже если бы она добилась аудиенции, Билли сомневалась, что они будут готовы ее выслушать. В конце концов, это Академия, которая тратит столько сил, чтобы развеять слухи о разломах Бездны и уверить народ, будто это безобидные метеорологические явления.

На пути с улицы Мандрагоры Билли не видела ни следа странного человека в неопрятном бархатном плаще. Возможно, город сейчас как никогда был полон всяческими людьми, как странными, так и отчаянными. Скорее всего, это был бродяга, которому повезло добыть поношенное одеяние гражданина из высшего общества, и он либо следил за ней из праздного любопытства, либо просто шел в том же направлении.

Билли выкинула это из головы, толкнула огромные двери Академии и вошла в священные чертоги.

* * *

«Приемный зал Академии был создан для того, чтобы впечатлять», – так думала Билли, проходя по объемному каменному пространству со сводчатым потолком, находящимся над головой на высоте в три-четыре этажа. Напротив входа в огромный овальный зал в галерею упиралась массивная лестница, от которой ветвились новые пролеты ступенек, налево и направо. По бокам зала вверх вели лестницы поуже,

но не менее впечатляющие. Они зарывались в стены и растворялись в темных коридорах.

Над центром зала будто парил гигантский скелет, подвешенный на потолке на проволоке, – кости левиафана, одного из гигантских обитателей глубин. Останки зверя были поистине исполинскими – хотя все равно терялись на фоне зала. Создание, размером больше, чем несколько грузовых вагонов, висело на такой высоте, что под ним свободно могли ходить ученики и академики. Как раз сейчас, пока Билли направлялась в конец зала, по лестнице слева спустилась троица натурфилософов в развевающихся черных мантиях, пересекла зал под китовыми костями и направилась к лестнице справа. Они о чем-то шептались, крепко зажав под мышками журналы в кожаных переплетах, и не удостоили Билли взглядом.

По обеим сторонам великолепной главной лестницы стояли две стеклянные будки. Одна была пуста; за стойкой второй сидел тучный мужчина в бледно-серой мантии, целиком поглощенный тяжелой книгой на деревянном пюпитре перед собой. На нем были маленькие круглые очки с тонкой золотой оправой.

Билли решила, что можно начать и с него. Когда она приблизилась, то увидела на его столе и другие вещи – печатную машинку, стопки документов и латунную табличку, провозглашавшую, что перед ней старший швейцар.

Билли не представляла, что это значит, но, поскольку

мужчина сидел вроде бы за приемной стойкой Академии, решила: он знает, с кем следует поговорить. Правда, когда она подошла к стойке, низенький мужчина даже не оторвался от книги. Билли вздохнула, выпрямилась и постучала по стеклу.

– Да? – он так и не поднял взгляд. Более того, даже отвечая, он лизнул палец и перевернул страницу книги.

– Мне нужно поговорить с... – Билли осеклась. С кем ей нужно поговорить? Единственный ее знакомый натурфилософ – сам Соколов, а его уже давно нет. Какую должность он занимал в Академии? Э-э... Ректор? Директор? Мастер? Билли обнаружила, что понятия не имеет, как организована Академия. Ей нужен кто-то на высокой должности, но она сомневалась, что стоит звать «босса».

Почувствовав ее колебания, швейцар оторвался от книги, потом снял очки – такие узкие, что они оставили ярко-красные следы на переносице. Он чуть наклонился над стойкой, с явным неодобрением обводя взглядом Билли с головы до пят.

– Вы студентка, мисс?..

– Нет, я...

Швейцар откинулся обратно на спинку кресла и вернул внимание к книге.

– Если желаете подать заявление на обучение, офис регистратуры не откроется до четвертого дня месяца Урожая, – не поднимая взгляд от страницы, швейцар полуобернулся и

начал вслепую пролистывать документы под локтем. – Если хотите...

– Слушайте, – сказала Билли. – Мне нужно поговорить с кем-нибудь из руководства.

Швейцар то ли не слушал, то ли намеренно ее игнорировал; Билли подозревала, что и то и другое одновременно. Он был не очень стар, по крайней мере физически, но Билли догадывалась, как может состарить человеческий разум тепличная жизнь в Академии.

– ...заполнить личную анкету, в которой обозначите свои данные и области интересов, тогда возможно просить о предварительном собеседовании где-то в следующем году и...

– Эй!

Швейцар подскочил на месте, уронив очки с носа. Он посмотрел на нее сквозь окошко, округлив от удивления рот.

– Право, мисс! Я вас попрошу...

Билли ударила магической рукой в стекло. На глазах у швейцара на стекле вокруг пальцев начала образовываться тонкая корка льда, и рукав отпал, обнажив вращающиеся, летающие осколки камней Бездны, образовывавшие вихрь.

Вот и не привлекай к себе внимание.

– Меня зовут, – медленно и разборчиво произнесла она, – Билли Лерк, и мне нужно поговорить с руководством. Прямо. Сейчас.

Швейцар уставился на нее, открывая и закрывая рот, потом, чуть не свалившись со стула, помчался прочь, кивая и

бормоча что-то про себя.

Билли расслабилась. Пока что все неплохо.

По крайней мере, она на это надеялась.

АКАДЕМИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ, БОРДОВЫЙ ПРОЕЗД, ДАНУОЛЛ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

Долго ждать не пришлось. Швейцар вернулся через пару минут с двумя академиками, которые целеустремленно ворвались в зал. После неуклюжего знакомства – да, она действительно была другом Антона Соколова; да, она действительно считала, что это что-то значит; да, у нее действительно есть важные новости; да, ей действительно нужна помощь, – Билли отвели в зал собраний Академии.

Три часа спустя она его так и не покинула. И все это время не могла поверить тому, что слышит.

Высокий потолок был накрыт витражным стеклом, бросавшим радужные отсветы на стены и пол восьмиугольного зала. Билли стояла у огромного восьмистороннего дубового стола, занимавшего все помещение. Вокруг стола сидели семь натурфилософов, каждый в тяжелой академической мантии угольно-серого цвета с черными полосами на рука-

вах. Трое мужчин и четыре женщины, эксперты в своих областях, самые старшие и уважаемые натурфилософы на всех Островах – и все весьма раздраженные тем, что их оторвал от исследований или обучения посторонний человек. Все раздосадованные вторжением и собственным согласием выслушать Билли из-за ее связи с их самым выдающимся коллегой – Соколовым.

Она переминалась с ноги на ногу, чувствуя, что к лицу приливает жар, пока семь трюсов перед ней, сами того не зная, действовали Билли на нервы. Они смотрели на нее так, словно девушка была не более чем одним из образцов в их лаборатории. Возможно, в этом и крылась суть – у стола было восемь сторон, но всего семь стульев. Любой, кого вызывали перед советом, чувствовал себя не в своей тарелке. Но Билли побывала в ситуациях и похуже, чем необходимость стоять три часа. Она могла простоять еще три и даже тридцать, если это помогло бы получить нужную ей помощь.

Вот только она знала, что не получит желаемого. Оказалось, войти в Академию было самой простой частью. Добыть информацию, ответы – хоть что-нибудь – от совета Академии было совсем другим делом.

Проще говоря, эти говнюки не верили ни единому ее слову.

Билли скрежетала зубами, пока члены совета шептались между собой, качая головами. Глава Академии, профессор Финч, уставился на нее с резного кресла у противоположно-

го конца стола с неприкрытым презрением. Чисто выбритый, со впавшими щеками и с зачесанными назад длинными пепельными волосами, он демонстративно хмурился на Билли, но его глаза время от времени бегали по столу, пока он прислушивался к обсуждению.

Прямо сейчас она была готова перескочить через этот самый стол и выдавить всю жизнь из старикашки.

– Но нет никаких доказательств какой-либо нестабильности, – прерывая кровожадные мысли девушки, сказала профессор Бертон, молодая женщина, сидевшая слева от Билли. Бертон, совсем молодая, с коротко стриженными светлыми волосами, была по меньшей мере на пару десятков лет младше остальных членов совета. Какую бы должность она ни занимала, та явно была важной, потому что стоило ей заговорить, как на стол опустилась тишина и все глаза обратились к ней.

– Продолжайте, – сказал Финч. Он облокотился одной рукой на стол и поглаживал подбородок, наблюдая за Бертон.

– Как известно совету, – сказала та, – Академия разослала натурфилософов по всей Империи. У нас команды геологов и топографов в Тивии, географы в Морли. Историки прочесывают все дома собраний Аббатства в Гристоле, а судебные фольклористы каталогизируют все, что осталось от сожженных архивов сестер Ордена Оракулов в Бэйлтоне, – она помолчала, обернулась на кресле, чтобы посмотреть на Билли. – Со всем уважением, мисс Лерк... – имя она произ-

несла с усмешкой; Билли обратила свой гнев на женщину и подумала о том, какво пришлось бы той умирать на колу на потеху толпе, – ...мы не получали ни единого сообщения от нашего персонала о так называемых «разломах Бездны», как вы их называете, а также ни о чем подозрительном, ни в городах, таких как Дануолл и Карнака, ни на окраинах Империи, как вы заявляете.

Билли почувствовала, как напряглись все мышцы. Она крепко сложила руки на груди, стараясь сдержать досаду.

– Я рассказала, что видела в Тивии, – сказала она, сосредоточившись на словах, стараясь оставаться спокойной, хоть и говорила то же, что уже повторила несколько раз. – Северную тундру разорвал разлом. Весь континент перерезан пополам. Как и северный Морли.

Один из ученых за столом – ископаемое по имени Кромер, совершенно лысый, не считая идеально квадратной бородки, – пожал плечами.

– Природный феномен, моя дорогая, – произнес он, глядя не на Билли, а куда-то ей за плечо. – Тивийские ледники знамениты необычными эффектами из-за местной погоды.

– А в Мор..?

– Позвольте предложить новое исследование, профессор, – подала голос пожилая дама, профессор Рид, – для картографирования движения льда вдоль южного побережья Тивии.

– Великолепное предложение, профессор! – это был Мо-

розов, мужчина того же возраста, что и профессор Бертон, с круглым и рыхлым лицом, с натянувшейся на немаленьком брюхе мантией. – Заодно можно изучить движение рыбных косяков на юго-западе Вей-Гона. У меня давно есть теория о миграции серконской речной кефали во время нереста, для которой, согласно моему предположению, они адаптируются к соленой воде и...

Билли медленно отошла от стола, когда семь лидеров Академии – величайшие натурфилософы своего века – начали оживленно обсуждать достоинства океанического исследования.

Бесполезно. Она сказала все, что могла. Она так долго расписывала разломы Бездны, только чтобы их назвали случайными погодными эффектами, сезонными изменениями, интересными астрономическими и атмосферными феноменами, достойными только упоминания, прежде чем отбросить их как безытересные темы. Она описала, как части Тивии, Гростоля и Морли подверглись физическим разрушениям из-за разломов, что разломы движутся, что рано или поздно они уничтожат все на своем пути... Это назвали пустой фантазией, с довольно толстым намеком, что, несмотря на знакомство с Антоном Соколовым, Билли Лерк следует вежливо выслушать, но не доверять.

А Альба? Как же Альба?

Никак, вот как. Внутреннее дело королевы и короля Морли. Что бы там ни случилось, это не имеет отношения к раз-

ломам Бездны и почти наверняка – к самой Академии.

Когда она попыталась заговорить о снах и кошмарах, охвативших Острова, – дважды, – ее резко перебили и просили не распространяться о мистической ерунде в стенах Академии.

Ну, конечно, стоило сразу догадаться. Лучшие умы всей Империи, не заинтересованные в механике мира, будут слепы ко всем доказательствам, что она предоставит. Академии нравилось считать, что она стоит особняком от мира, который призвана изучать. Пока что ничего из того, что она предложила, их не задело, так на что ей надеяться? Скольких из семерых за столом мучили сны и видения? Или они все жевали «Зеленую Леди», как Билли, притупляя чувства, приглушая сны?

Их блаженное невежество было непоколебимо, как и следовало ожидать, вот что вынуждена была признать Билли. Вот почему это было планом «Б», вот почему в первую очередь она искала помощи Эмили. Здесь, перед советом Академии, стало еще очевидней, что Билли – не одна из них. Она плут, преступник, наемник... убийца. Только имя Соколова подарило ей возможность этой аудиенции. Ей повезло, что они не вызвали Городскую стражу, чтобы ее увести.

Билли даже не была уверена, что этого не случится в дальнейшем.

«Пусть только попробуют».

Она обвела глазами стол. Снова она стала лишней – семь

академиков увлеклись спором о размере якоря их гипотетического исследовательского корабля.

С нее хватит. Билли шагнула к столу.

– Слушайте! – она врезала кулаком из черных осколков по старой древесине, тут же почувствовав, как по магической конечности пробежало пламя силы. Под ее каменной рукой снова разбежалась патина льда, превратившись в крошечные острые осколки, встопорщившиеся на столе. Секунду спустя дуб треснул, расщелина побежала по столу к профессору Финчу. Тот наблюдал с округлившимися глазами, как трещина достигла края стола перед ним, потом вскрикнул и отшатнулся, опрокинув тяжелый стул и со стуком упав на пол.

Остальные натурфилософы замерли на месте, посмотрев сначала на упавшего руководителя, а потом на незваную гостью. Билли обвела их всех презрительным взглядом, скривив губы.

– Вам всем повезло, что я выпущу вас отсюда живыми, – сказала она, и голос ее был не громче шепота. Когда рука Финча, а потом его лицо появились над краем стола, девушка зашипела и раскрыла кулак, проведя пальцами из камня Бездны по столу – при этом поверхность дерева лопалась, как кожура фрукта. – Я пришла за помощью. Я видела то, чего не понимаю. То, что кажется опасным. Мир расплзается по швам, и это влияет не только на землю, или море, или воздух, но и на людей. Аббатства Обывателей уже нет,

но я видела, что стало со зрителями, – с теми, кто выжил. Разломы уничтожают мир, а сны уничтожают человеческий разум.

Натурфилософы начали переглядываться за столом, не готовые признать истины, не готовые признать факты. Билли видела это на их лицах. Финч тем временем поднялся на ноги. Билли обратила взгляд на академика, и тот отшатнулся, а его кадык заходил, когда он проглотил комок страха. Он снова шагнул назад и уперся в стену.

– А может быть, это ерунда, – продолжала она, твердо глядя на Финча. – Может быть, это так сошлись звезды. Может быть, это изменения погоды. Мир живет в циклах, сезонах, и может, этим все и объясняется. И поверьте – я надеюсь, что вы правы.

Билли выпрямилась, расслабив руку. Теперь она хотя бы привлекла их внимание.

– Но если я права, то мы в опасности – все мы. Может, мы сможем решить эти проблемы, сможем все уладить. Вот почему я пришла. Я видела, что происходит, но не знаю, что делать, – знаю только то, только если мы не сделаем то, что необходимо, и быстро, станет хуже. Наступит время, когда вы уже не сможете игнорировать то, что происходит, как бы вам ни было страшно.

Молчание. Время будто приостановилось; потом наконец Финч потянулся за спину и дернул за толстую бархатную веревку, свисавшую со стены. Где-то далеко прозвенел коло-

кол.

– Кажется, мы услышали достаточно, – сказал академик. За спиной Билли открылись двери, ведущие в зал совета. Она оглянулась через плечо и увидела на пороге коренастого швейцара.

– Да, профессор?

– Могу я вас просить проводить нашу гостью, швейцар.

– Безотлагательно, профессор.

Швейцар отодвинулся в сторону и показал на открытую дверь. Билли посмотрела на него, потом снова оглядела совет.

– Вам правда настолько страшно? – спросила она.

Профессор Финч сцепил руки под мантией и задрал весьма внушительный нос. Прочистил горло в попытке вернуть себе хоть какое-то ощущение власти.

– Мы обязаны Антону Соколову очень многим, – в конце концов прохрипел он, хотя в голосе так и не появилось той весомости, на которую он надеялся, – но вы можете считать, что этот долг оплачен нами сполна. Вам пора идти, и я рекомендую вам не возвращаться.

Голова Билли гудела. Эффект «Зеленой Леди» шел на убыль. Зрение раскололо красно-синее свечение, а Осколок из-за повязки заглянул под завесу реального мира. И волшебная рука ныла от знакомого ползучего холода.

Потом Билли развернулась на каблуках и вышла из помещения.

Вот и все. Миссия провалена.
Теперь она сама по себе.

АКАДЕМИЯ НАТУРФИЛОСОФИИ, БОРДОВЫЙ ПРОЕЗД, ДАНУОЛЛ

4-й день месяца Ветра, 1853 год

После стольких часов в Академии внезапный дневной свет на площади перед массивным зданием показался Билли ослепительным. Она остановилась на верхней ступеньке главной лестницы, чувствуя, как в нее впиваются глаза швейцара, но не торопилась уходить. То, что они не вызвали Городскую стражу, говорило о многом. Они ее боялись, но не хотели скандала. А теперь ее голова болела, а ослепительный свет окрасило в красный и синий, как бы она ни пыталась игнорировать взгляд на мир через Осколок. Вдобавок ко всему она устала и проголодалась.

А еще разозлилась. Впрочем, чего еще она ожидала, в самом деле? Да, она дружила с Антоном Соколовым. Она ему помогла. Спасла ему жизнь. Они были из разных слоев общества, их свели обстоятельства, в которых они оказались не по своей воле, но в сознании Билли не было ни малей-

ших сомнений в том, что их объединяла истинная ментальная связь.

Связь, которую, очевидно, профессор Финч и его подпевалы ценили невысоко.

Билли оглянулась. Швейцар все еще стоял у больших дубовых дверей Академии, крепко сцепив руки перед животом, обтянутым мантией, и, поджав губы, пронзал ее взглядом. Она покачала головой, он хмыкнул и исчез внутри.

Ослы вся эта компашка.

Площадь в ее глазах пошатнулась, края подернуло красным. Осколок Ока Мертвого Бога становился... неуправляемым. Больше чем обычно. Она залезла во внутренний карман куртки и снова нащупала мешочек «Зеленой Леди».

– Мне кажется, с вас этого на сегодня уже хватит, юная леди!

Билли подняла взгляд. На площади под статуей Эразма Кулика стоял старик с белыми, зачесанными со лба волосами до плеч. На нем был потрепанный угольно-серый плащ с черными полосами на рукавах. Он поднял ладонь, ткань опала и обнажила костлявую белую руку.

– Скверная штука это растение, – сказал он. – Здесь продается под названием «Зеленая Леди», но известна она и как «Черный Сорняк Карнаки», что, уверен, ты прекрасно знаешь. Номенклатура варьируется, но суть одна. Мое любимое название – из восточного Морли: «Мечта Дурака». Дурака! В самую точку. Скверная штука. Вызывает зависимость, при-

глушает чувства...

– И вырабатывает терпимость к таким старым дурням, как ты.

Билли сбежала по ступенькам и бросилась к незнакомцу. Он не сдвинулся, хотя и опустил руку и вцепился в край мантии, запальчиво задрал подбородок при ее приближении. Когда она оказалась рядом, то увидела, что он дрожит, хоть и слегка.

– Я бы спросила, какое тебе дело, – сказала она, – а еще почему ты следил за мной утром, а потом распотрошила бы, как миногу, но я и так уже потратила сегодня достаточно времени впустую.

Она прошла мимо старика, задев его плечом – не сильно, чтобы тот не упал, но, если повезет, понял намек держаться подальше. Однако не прошла она и пары шагов, как он снова ее позвал.

– Это мое дело, юная леди, – сказал он, – просто потому, что я тебе верю.

Она замерла как вкопанная, но не обернулась.

– Ты совершенно права, – сказал незнакомец. – Твои наблюдения пронизательны, твои выводы дальновидны.

Билли склонила голову.

– В чем права?

– А, почти во всем. Разломы. Сны. И конечно, ты знаешь, с чего все началось.

Билли медленно повернулась на каблуках. Бросила сталь-

ной взгляд на мужчину и двинулась к нему. И снова он не шелохнулся, хотя теперь как будто боялся ее еще больше – резкий контраст выражения лица с уверенным напором в голосе.

Она смерила его взглядом. Стар, возможно, разменял седьмой десяток, а то и еще старше – определенно старше Соколова на момент их знакомства. Тощий, жилистый, гладко выбритый, но с местами пропущенной щетиной на шее. У его белых волос был желтоватый оттенок, и их стоило бы помыть, как и постирать его плащ – теперь Билли видела, что это форменная академическая мантия старшего натурфилософа, такая же, как у членов совета Академии, с которыми она только что встречалась.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом мужчина прочистил горло и оглянулся, посмотрев через плечо на Академию. Билли проследила за его взглядом, но двери все еще были закрыты и поблизости прохожих не было.

– Ну, полагаю...

Билли схватила мужчину за горло и впиалась пальцами в дряблую кожу. Потянула его вверх – он был маленьким, легким и старым, но она не собиралась отрывать ему голову прямо на пороге Академии, – так что он был вынужден встать на цыпочки.

– Кто ты? – спросила Билли.

– Ах! – прохрипел мужчина, цепляясь костлявыми руками за рукав пальто Билли – рукав, скрывавший ее руку из

черных осколков.

Билли что-то прошипела сквозь зубы и отпустила старика. Тот закачался, но не упал – только кашлянул два раза, а потом распрямился с важным видом, словно ничего не случилось. Поправив мантию и схватившись за лацканы двумя костлявыми кулаками, он задрал подбородок – Билли была выше него на добрых двадцать сантиметров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.